

**С.А. Лиманова, В.В. Тихонов**

**РЕЗЕВАКУАЦИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР:  
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

***Аннотация.** В статье представлены основные этапы реэвакуации учреждений АН СССР в Москву и Ленинград. С декабря 1942 г. начались первые попытки локального возвращения ряда институтов. 13 марта 1943 г. вышло соответствующее постановление СНК СССР, после чего реэвакуация стала набирать обороты, однако происходила с многочисленными трудностями. Анализ источников личного происхождения и документов из фондов Архива РАН, часть из которых вводится в научный оборот впервые, позволяет более детально увидеть весь процесс. Реэвакуация проводилась тремя очередями, в соответствии с календарным планом, для чего были назначены уполномоченные по обеспечению переезда. Научные учреждения перемещались из Казани, Свердловска, Ташкента, Алма-Аты и Фрунзе обратно в Москву и Ленинград, в связи с чем возникали различные организационные и бытовые сложности. Среди основных проблем можно назвать неготовность помещений к приему институтов и трудности с обеспечением продовольствия. Тем не менее к середине 1943 г. проходившая реэвакуация была признана удовлетворительной и продолжилась. Возврат научных институтов в Ленинград имел свою специфику, притом, что часть из них так и не вернулась, а была перенаправлена в Москву. Сложившаяся в предвоенные годы высокоцентрализованная сеть научных академических учреждений в военный период сильно пострадала, частично была «разорвана» или перестроена. Более того, военные условия четко показали, что концентрация научных разработок в двух ключевых научных центрах не столь эффективна для сохранения научного потенциала страны. Следовательно, сложившаяся ситуация с вынужденной и скоропалительной эвакуацией, а затем реэвакуацией способствовала дальнейшему переосмыслению способов развития науки и организации научной работы уже в послевоенное время.*

***Ключевые слова:** АН СССР; Великая Отечественная война; реэвакуация; Москва; Ленинград; академические учреждения.*

**Лиманова Светлана Андреевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, начальник Отдела истории Академии наук Архива Российской академии наук (РАН). Россия, Москва.

**E-mail:** serovasvetlana@mail.ru

**Web of Science Researcher ID:** AAF-3549-2020

**Scopus Researcher ID:** 57220923106

**ORCID:** 0000-0002-9189-0963

Тихонов Виталий Витальевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Архива Российской академии наук (РАН). Россия, Москва.

E-mail: [tihonovvitaliy@list.ru](mailto:tihonovvitaliy@list.ru)

Web of Science Researcher ID: G-5553-2016

Scopus Researcher ID: 55480752700

ORCID: 0000-0002-8523-5743

*Limanova S.A., Tikhonov V.V.*

### **Re-Evacuation of the Academy of Sciences of the USSR: Organizational and Institutional Problems**

**Abstract.** *The article presents the main stages of the re-evacuation of the institutions of the USSR Academy of Sciences to Moscow and Leningrad. Since December 1942, the first attempts to return a number of institutes locally had begun. On March 13, 1943, the Council of People's Commissars of the USSR issued a corresponding resolution, after which the re-evacuation began to gain momentum, albeit with numerous difficulties. Analysis of personal sources and documents from the funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences, some of which are being introduced into scholarly circulation for the first time, allows the entire process to be seen in greater detail. The re-evacuation was carried out in three stages, in accordance with the calendar plan, with authorized persons appointed to ensure the move. Scientific institutions were moved from Kazan, Sverdlovsk, Tashkent, Alma-Ata, and Frunze back to Moscow and Leningrad, which caused various organizational and everyday difficulties. Among the main problems were the unpreparedness of the premises to receive the institutes and difficulties in providing food. Nevertheless, by mid-1943, the ongoing re-evacuation was considered satisfactory and continued. The return of scientific institutes to Leningrad had its own specifics, given that some of them never returned but were redirected to Moscow. The highly centralized network of scientific academic institutions that had developed in the pre-war years suffered greatly during the war and was partially "broken up" or reformatted. Moreover, military conditions clearly showed that the concentration of scientific developments in two key scientific centers was not the most effective way to preserve the country's scientific potential. Consequently, the situation with the forced and hasty evacuation, and subsequent re-evacuation, contributed to a further rethinking of the methods of developing science and organizing scientific work in the post-war period.*

**Keywords:** *Academy of Sciences of the USSR; Great Patriotic War; re-evacuation; Moscow; Leningrad; academic institutions*

Limanova Svetlana Andreevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher – Head of the Department of History of the Academy of Sciences of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Russia, Moscow.

E-mail: [serovasvetlana@mail.ru](mailto:serovasvetlana@mail.ru)

Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

Scopus Researcher ID: 57220923106

ORCID: 0000-0002-9189-0963

**Tikhonov Vitaly Vitalievich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Russia, Moscow.**

**Email: [tikhonovvitaliy@list.ru](mailto:tikhonovvitaliy@list.ru)**

**Scopus Author ID: 55480752700**

**ResearcherID Web of Science: G-5553-2016**

**ORCID: 0000-0002-8523-5743**

Резэвакуация учреждений Академии наук СССР традиционно находится в тени двух больших проблемно-тематических блоков истории Академии в годы Великой Отечественной войны – экстренной эвакуации 1941–1942 гг. и организации научной работы в военных условиях. В монографиях Б.В. Левшина, до сих пор остающихся наиболее полными исследованиями по истории АН СССР в годы войны, тема резэвакуации звучит довольно приглушенно и показана весьма лапидарно, теряясь в описании работы Академии над восстановлением своей инфраструктуры, подготовки кадров и помощи республиканским и региональным научным центрам [Левшин 1966, с. 139; Левшин 1983, с. 78]. В то же время в обобщающих трудах доминирует «декретный» подход, представляющий резэвакуацию как оперативное возвращение научных учреждений на прежние места и восстановление разрушенной войной инфраструктуры [Комков, Левшин, Семенов 1974, с. 46; Комков, Левшин, Семенов 1977, с. 210]. Между тем привлечение ряда источников личного происхождения и документов Архива РАН, раскрывающих внутренние механизмы резэвакуации, позволяет представить более сложную картину, отражающую многочисленные трудности, с которыми сталкивались как организаторы, так и рядовые сотрудники при резэвакуации.

В довоенное время существовала высокоцентрализованная система академических учреждений, при которой абсолютное большинство научно-исследовательских институтов и лабораторий размещалась в Москве и Ленинграде. Угроза захвата Москвы и блокада Ленинграда привели к необходимости экстренной эвакуации и перемещению учреждений в глубь страны. С одной стороны, это позволило сохранить научный потенциал, но с другой – сломало налаженную ранее научную инфраструктуру. В условиях эвакуации вести исследования на должном уровне было проблематично, и многие ученые только и ждали возможности вернуться.

Следует признать, что военное время самым негативным образом сказалось на сложившейся академической научной сети. В 1942 г. происходило заметное сокращение научно-исследовательских институтов, лабораторий и библиотек союзного подчинения [Левшин 1983, с. 76]. На этом фоне ходили регулярные слухи о том, что институты АН СССР также будут объединяться

для лучшего администрирования, концентрации ресурсов и в связи с общим сокращением штатов<sup>1</sup>.

1943 год стал переломным на фронтах Великой Отечественной войны. Шло вытеснение врага с территории Советского Союза, освобождалось все больше населенных пунктов. Между тем война продолжалась, и советская наука напряженно трудилась ради Победы. Для дальнейшей эффективной работы требовалось возвращение академических учреждений в привычные места расположения. И в первую очередь речь шла о Москве и Ленинграде, где, несмотря на разрушения, сохранялась научная инфраструктура, необходимая для исследований и культурной работы. Кроме того, в Москве концентрировались военные ведомства, формировавшие оборонный заказ, и нахождение рядом с ними позволяло оперативнее реагировать на нужды армии и флота.

Разговоры о эвакуации академических учреждений и ученых ходили еще с 1942 г. Тогда же получила распространение практика возвращения из эвакуации отдельных лабораторий, необходимых для реализации срочных военных исследований. Но помимо «целевых» реэвакуантов в Москву стремились попасть и многие другие сотрудники Академии, причем в том числе, руководствуясь собственными интересами. Физик академик С.И. Вавилов записал в дневнике от 26 февраля 1942 г.: «В Академии развал. По примеру вице-президентов начинают всеми правдами и неправдами диффундировать в Москву, поодиночке, группами, лабораториями. Вовсе не из-за патриотических порывов, а для охраны собственных квартир, захвата зданий, теплых мест. В результате в Казани в академических институтах работа почти прекратилась, хлопочут о вагонах, билетах, пропусках, упаковываются и все нервно дрожат, как бы их не обогнали» [Сергей Иванович Вавилов 2016, с. 170–171].

Уже 25 декабря 1942 г. Президиум АН СССР посчитал возможным начать реэвакуацию в Москву институтов гуманитарного профиля – Института истории, Института мирового хозяйства и мировой политики, Института экономики и Института философии [Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова в СНК СССР]. Необходимость этого обосновывалась отсутствием в местах их текущего расположения архивов и крупных библиотек, необходимых для исследований. Однако тогда это посчитали преждевременным. В феврале 1943 г. АН СССР обратилась в СНК СССР с просьбой о переводе Президиума и его аппарата из Свердловска в Москву [Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова и секретаря Президиума АН СССР Н.Г. Бруевича в СНК СССР]. О реэвакуации в Москву ряда академических институтов, напрямую участвовавших в оборонных разработках, ходатайствовали и наркоматы, заинтересованные в том, чтобы поддерживать с ними более тесную связь [К собранию партактива учреждений, л. 16].

---

1. Например, ленинградский историк Б.А. Романов фиксирует слухи об объединении Института истории и Института материальной культуры [Романов 2023, с. 183].

Наконец, 13 марта 1943 г. СНК СССР принял постановление № 269 «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву»:

«Совет народных комиссаров постановляет:

1. Разрешить Академии наук СССР перевести в г. Москву эвакуированные институты и учреждения Академии наук СССР.

Разрешить въезд в Москву семьям сотрудников Академии наук по списку, утвержденному Президиумом АН СССР.

2. Обязать Народный комиссариат обороны (НКО), Наркомвоенморфлот, Наркомцветмет, Наркомстрой, Наркомвооружения, Наркомсвязи, Комитет по делам геологии при Совнаркоме и Мосгорисполком в месячный срок освободить занимаемые подведомственными им организациями служебные помещения Академии наук, согласно приложению.

3. Обязать Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) и Наркомречфлот выделить вагоны и речной транспорт по заявкам Академии наук СССР для перевозки оборудования и материалов институтов Академии наук СССР.

4. Обязать Мосгорисполком до 1 апреля с.г. выделить Академии наук СССР 10 квартир.

5. Поручить Наркомфину СССР рассмотреть и утвердить смету расходов на перевод в Москву институтов и учреждений Академии наук СССР» [Копия постановления № 269, л. 2].

Предполагалось вернуть 75 учреждений. Для этого выделялось 4,5 млн руб. [Левшин 1983, с. 78]. Помещения, ранее занимавшиеся учреждениями АН СССР, подлежали освобождению<sup>2</sup>, а сотрудникам и их семьям разрешалось возвращаться в столицу по списку Президиума АН СССР [Копия постановления № 269, л. 2; Летопись 2021, с. 196]. Для перевозки академических учреждений потребовалось 10 пассажирских составов и 234 товарных вагона [Левшин 1966, с. 139].

Основываясь на решении правительства, 19 марта 1943 г. Президиум АН СССР постановил, чтобы реэвакуация проводилась тремя очередями: первая прошла в середине мая, вторая – в июне, а третья – в октябре [Постановление Президиума АН СССР; Протокол №1 заседания Президиума АН СССР, л. 12; Материалы к истории Академии наук СССР 1950, с. 272; Летопись 2021, с. 200]. Последнее было обусловлено тем, что сотрудникам Академии нужно было убрать урожай на своих огородах и подшефных хозяйствах. В условиях острого дефицита продуктов питания в крупных городах это было жизненно необходимо.

---

2. Вопреки постановлению СНК СССР не все помещения возвращались академическим институтам «без боя». Так, С.И. Вавилов фиксирует, что здание Физического института на Муссах (Москва) было занято Народным комиссариатом электрической промышленности и тот не спешил его освободить [Сергей Иванович Вавилов 2016, с. 172].

Для утверждения календарного плана перевода академических учреждений была сформирована комиссия под председательством вице-президента АН СССР академика А.А. Байкова. Учреждения из Ленинграда решено было оставить по месту эвакуации [Список учреждений], но некоторые подлежали передислокации. Так, Институту истории материальной культуры и Институту литературы предписывалось переехать в Казань [Протокол № 1, л. 12–13].

Президиум устанавливал, что в Москву переводились только те сотрудники институтов, которые находились в их штате и имели жилплощадь в столице. Из членов семей разрешалось перевозить лишь инвалидов и прямых иждивенцев. Возвращению в Москву подлежали также семьи сотрудников Академии наук, призванных в армию [Протокол № 1, л. 13–14]. Каждый реэвакуируемый институт должен был выделить группу сотрудников, которые готовили помещения к его возвращению.

Назначались уполномоченные по обеспечению переезда учреждений АН СССР: 1) в Казани – академик А.Ф. Иоффе, его заместитель – Е.Г. Ботвинник; 2) в Свердловске – академик Л.Д. Шевяков, его заместитель – Н.Е. Калиновский; 3) в Ташкенте – В.А. Ковда, его заместитель – Л.Р. Свирский; 4) в Алма-Ате – академик И.И. Мещанинов, его заместитель – К.И. Сатпаев; 5) во Фрунзе – академик А.А. Борисьяк, его заместитель – А.П. Щербаков [Протокол № 1, л. 14].

Возвращение осложнялось множеством чисто организационных и бытовых проблем. Как часто бывает в таких случаях, достоверная информация подменялась многочисленными слухами и домыслами. Ленинградский историк Б.А. Романов, находившийся в Ташкенте, отметил в своем письме к жене: «Май представляется месяцем таинственным. Предполагается (на данный момент твердо), что в мае уже все московские институты выедут из Ташкента в Москву – и в Ташкенте останутся одни ленинградцы (Восточный институт, ИИМК, группа Ленинградского отделения Института истории, Институт этнографии) <...> Присматриваюсь к москвичам, не вижу особой радости по поводу реэвакуации. Есть и озабоченность. Если основные работники и будут там как-то снабжены, то тема об иждивенцах там будет еще сложнее, чем здесь. Здесь хоть чуточку выручает рынок и иногда экстренные выдачи (с учетом иждивенцев). Там этого не будет» [Романов 2023, с. 281].

Учитывая, что блокада Ленинграда еще не была полностью снята, многие ленинградские ученые опасались, что их учреждения и их самих временно разместят в Москве. Б.А. Романов фиксировал их настроения и опасения: «<...> Все мы устали, обносились, лишены всякого подобия ресурсов – и в Москве попали бы в условия вопиющего неравенства и нищенства *de facto*» [Романов 2023, с. 281]. Важно было и то, что в Москве ленинградские ученые оказались бы оторваны от своих библиотек и все равно не смогли бы развернуть планомерную работу. «Есть одно обстоятельство, которое упоминается в раз-

говорах лишь вполголоса, но очень существенное: это – состояние московских библиотек. Все они находятся и официально, и фактически в свернутом, полуэвакуированном-полузапакованном состоянии и пользоваться ими почти невозможно. Сюда самых простых и ходовых книг не могут прислать оттуда именно по этой причине. В этом отношении здесь безусловно лучше! Что есть, то и есть. Часть москвичей едет к собственным библиотекам и, главное, материалам – и это одно. А мы все, ленинградцы, попадем и в этом отношении туда на худшее, чем здесь», – рассуждал Б. А. Романов [там же, с. 283]. Ходили слухи, что после реэвакуации московских академических учреждений и их сотрудников будут решать, что делать с учеными-гуманитариями из Ленинграда – концентрировать их в Ташкенте или Казани.

С. И. Вавилов также отмечал, что переезды ломали нормальный ритм научной работы. Он записал: «Непостижимое “разрешение” Академии реэвакуироваться в Москву. В итоге академические институты заняты только переездными делами» [Сергей Иванович Вавилов 2016, с. 172].

Реэвакуация осложнялась значительной распыленностью академических учреждений. Так, во второй половине 1943 г. в Москву возвращалось 61 учреждение из 11 городов Советского Союза.

Учитывая трудности с продовольствием, многие научные сотрудники стремились взять с собой выращенные или приобретенные в местах эвакуации продукты. Для этого «Плодоовощ» организовал схему, по которой продукты можно было сдать по месту посадки и получить по месту прибытия. Однако эта схема не работала в Ленинграде, где и продовольственные карточки получить было затруднительно.

Для решения проблемы питания Президиум АН СССР постановил в соответствии с распоряжением СНК СССР от 29 марта 1943 г. № 6640р, организовать при АН СССР Отдел снабжения «Академпродснаб» на полном хозрасчете для снабжения сотрудников Академии наук и их семей продовольственными и промышленными товарами [Протокол № 3, л. 34–36, 47–50].

Президиум АН СССР на распорядительном заседании 15 июня 1943 г. заслушал доклад об организации общественного питания работников АН СССР в Москве. В обсуждении доклада участвовала директор Московского Дома ученых М. Ф. Андреева. Было принято решение, в связи с увеличением числа ведущих ученых Академии наук в Москве, прикрепить всех академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, профессоров к столовой Дома ученых. Обратиться в Наркомторг СССР с просьбой об увеличении лимита продовольственных фондов для столовой Дома ученых на 100 человек. После открытия этой столовой следовало открепить от столовой Дома ученых членов семей ученых, с организацией столовой для них. Кроме того М. Ф. Андреевой было предписано прикрепить к столовой Дома ученых академиков и членов корреспондентов Украинской и Белорусской академий наук. «Ака-

демпродснабу» поручено выделить 200 вторых горячих блюд «без выреза талонов из продовольственных карточек» «для наиболее интенсивно работающих научно-технических работников», а также выделить десять карточек литеры А и Б, 25 абонементов сухих пайков для распределения между научными сотрудниками институтов, показавших лучшие образцы работы по выполнению тематического плана.

Основным источником дополнительных продуктов для улучшения питания академических работников признано было подсобное хозяйство Академии наук. Было принято решение обратиться в СНК СССР о выделении для этого совхоза под Москвой. «Академпродснабу» предложено командировать бригады в Киргизию, Грузию, Армению, Башкирию и на Дальневосточную горно-таежную станцию для заготовки меда, сухофруктов, сушеных овощей, дикорастущих плодов и ягод, а также развернуть заготовку грибов и ловлю рыбы [Протокол № 6, л. 94–96].

На заседании Президиума АН СССР 21–23 июня 1943 г. отмечалось, что эвакуация в целом проходит по плану. Было оформлено и выслано пропусков на въезд в Москву для 4160 человек. На 15 июня 1943 г. в столицу возвратились: Президиум АН СССР, его центральный аппарат, Издательство Академии наук и большинство отделений; институты – Математический, Сейсмологический, Горючих ископаемых, Автоматики и телемеханики, Цитологии, гистологии и эмбриологии, Мировой литературы, Языка и письменности народов СССР, Права, Географии, Почвенный, Экономики, Мирового хозяйства и мировой политики, Истории, Философии; лаборатории – Океанологии, Кристаллографии, Морская гидрофизическая и др. [Протокол № 2, л. 69–71].

Всего к 15 июня в Москву прибыло 996 сотрудников и 1539 членов их семей, 1260 т грузов. Для этого было использовано 62 пассажирских и 84 транспортных вагонов. Отмечалось, что перевозка по железной дороге прошла хорошо и оперативно. Из недостатков указывалось, что ряд институтов нарушает предписание возвращать в Москву только штатных сотрудников. Кроме того, обращалось особое внимание, что многие помещения не готовы принимать возвращающиеся институты. Темпы ремонтных работ были признаны неудовлетворительными [Протокол № 2, л. 72–75].

Ленинградские учреждения эвакуировались позднее, уже после полного снятия блокады<sup>3</sup>, преимущественно в январе – апреле 1945 г. К ноябрю 1944 г. в Ленинграде уже работали 915 сотрудников, включая 50 академиков, 73 члена корреспондента и 106 докторов наук [Левшин 1983, с. 78].

---

3. Массовая эвакуация предприятий и жителей Ленинграда началась после выхода постановления Государственного Комитета Обороны от 29.03.1944 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году» [Постановление Государственного комитета обороны, с. 299–304].

При этом возвращение ленинградцев было сопряжено с множеством организационных трудностей. Так, сотрудник Физиологического института им. И.П. Павлова Ф.Р. Дунаевский описывал мытарства с возвращением. В первую очередь, оставалось неясным, как будет организована реэвакуация научных работников: что их будет ждать на месте? Как будет организовано снабжение и питание?

Для того, чтобы попасть в Ленинград необходимо было получить два документа: вызов из Ленинграда, который давался по решению председателя горисполкома, и пропуск из облисполкома места эвакуации. Получить их было непросто. Кроме того, из-за наплыва населения в освобожденный Ленинград въезд в город вскоре был аннулирован даже для тех, кто получил долгожданный вызов.

Физиологический институт реэвакуировался в два этапа – в середине августа и середине сентября. Это казалось правильным решением, поскольку одна часть сотрудников могла вернуться в Ленинград и подготовить помещения для работы, а другая убрать осенний урожай и привезти его с собой. В реальности урожай оказался плохим и не оправдал надежд, а 19 августа 1944 г. поступило правительственное распоряжение о том, что неиспользованные вызовы аннулируются. Ф.Р. Дунаевский с возмущением описывал это решение: «Распоряжение это поставило в тягчайшие условия тысячи людей. Люди ликвидировали свои дела, упаковались, распродали дрова, отказались от квартир. И вдруг – с полной неподготовленностью к ней перспектива еще одной зимы. Собрано, упаковано оборудование (например, институты Физико-технический, Радиевый). Теперь надо снова его распаковывать и быть может на краткий срок. В нашем институте часть оборудования в Ленинграде, часть – в Казани, нет комплектности. Часть сотрудников там, часть здесь, срывается работа и там, и здесь. И множество разорванных семейств» [Ф.Р. Дунаевский 2020, с. 195]. С огромным трудом Ф.Р. Дунаевскому и его жене удалось добраться до Ленинграда.

Состояние зданий ленинградских институтов нередко оставляло желать лучшего. Многие из них пострадали во время обстрелов. В тяжелом состоянии оказалась Библиотека Академии наук. В докладной записке от 4 марта 1944 г. указывалось, что библиотека страдает из-за хронического дефицита кадров. Об условиях работы сообщалось следующее: «Условия работы в Библиотеке абсолютно нетерпимы при наличии дымящихся печей-временок, при всех разбитых окнах, которые лишь прикрыты фанерой, подвешенной к железным рамам. Сейчас же необходимо разрешить вопрос о паровом отоплении и остеклении хотя бы в помещениях 1–2 этажа. Иначе Библиотека никакой работы в холодное время производить не будет» [Докладная записка академику-секретарю АН СССР академику Н.Г. Бруевичу; О работе Библиотеки Академии наук 2024].

Множество повреждений получило здание Института литературы (Пушкинский Дом): «Несмотря на то, что разрушения, производимые артобстрелами, прекратились, здание Института литературы продолжает разрушаться от снега, дождя и проникновения сырого воздуха внутрь помещений <...> Необходимо капитальный ремонт» [Докладная записка вице-президенту АН СССР академику Л.А. Орбели, л. 13]. Приведенные выше проблемы были типичны. Почти все здания требовали капитального ремонта. Многие возвращающиеся сотрудники сталкивались с тем, что их квартиры все еще продолжали быть занятыми или оказались непригодны для проживания.

Не все ленинградские институты вернулись на прежнее место. Институт химической физики с 1943 г. находился в Москве, где и остался. В Москву переехала также группа физиков, возглавляемая И.В. Курчатовым, и работавшая над проблемами атомной энергии. Все они оказались в результате участниками атомного проекта.

Еще в сентябре 1943 г. заместитель управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеев направил президенту Академии наук В.Л. Комарову «Информационный доклад об ущербе, нанесенном ленинградским учреждениям АН СССР немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками». Согласно оценкам составителей доклада, общая сумма ущерба составила 1 111 936 398 руб. [Кольцов 2003, с. 505]. В 1945 г. М.Е. Федосеев представил «Сведения о состоянии кадров ленинградских учреждений Академии наук Союза ССР по состоянию на 1941 и 1945 гг.». В них отмечалось, что в 1941 г. в штатах ленинградских академических учреждений числились 2596 сотрудников, из которых фактически работали 2420 человек. Во время блокады умерло 470 сотрудников, в том числе 23 доктора наук и 66 кандидатов. На фронте погибло 57 сотрудников [Кольцов 2003, с. 506].

17 мая 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил 57 сотрудников АН СССР с формулировкой «За самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады города Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках Академии наук СССР, являющихся национальным богатством страны». В 1945 г. в Ленинграде работали 37 академиков и 52 члена-корреспондента. В штатах учреждений АН СССР значились 1452 сотрудника, а фактически работали 1330 [Кольцов 2003, с. 505].

Итак, реэвакуация оказалась непростым мероприятием, потребовавшим значительных организационных усилий. В сравнении с экстренной эвакуацией 1941–1942 гг. она прошла в относительно штатном режиме: сказался и опыт эвакуации, и более спокойные условия. Однако говорить, что все прошло без осложнений, не приходится. Трудно пришлось рядовым сотрудникам, особенно из Ленинграда. Реэвакуация сыграла в итоге роль регулирующего инструмента в «настройке» научной сети, поскольку ряд учреждений поменял свое местоположение. Учитывая, что главным бенефициарием этих изменений

стала Москва, можно в этом увидеть и завершение процесса перебазирования ленинградских институтов и лабораторий в столицу.

Однако опыт эвакуации и реэвакуации наглядно продемонстрировал, что концентрация ресурсов даже в двух больших центрах опасна, поскольку их потеря сразу приводит к потере почти всего научного потенциала страны. Более разветвленную сеть захватить гораздо сложнее. Данный опыт оказался полезным в послевоенное время и привел в 1950–1960-е годы к более интенсивному развитию региональных центров науки.

## Библиография

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / Авт.-сост.: Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина. СПб.: Библиотека РАН, 2024. 568 с.

Докладная записка академику-секретарю АН СССР академику Н.Г. Бруевичу о состоянии библиотечного дела в Ленинграде. 3 марта 1944 г. // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 4. Оп. 1-1944. Д. 12. Л. 5.

Докладная записка вице-президенту АН СССР академику Л.А. Орбели «О состоянии здания и фондов Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР и необходимых мерах для налаживания нормальной работы Института». 6 марта 1944 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1944. Д. 12. Л. 12–16.

К собранию партактива учреждений Академии наук, находящихся в Москве. 4 мая 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 16–35.

Кольцов А.В. Подвиг ленинградских ученых. Ленинградские отделения АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках: Исторические очерки / Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. С. 482–510.

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР, 1724–1974: Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. 522 с.

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. В 2-х т. / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1977. Т. 2: 1917–1976. 455 с.

Копия постановления № 269 СНК СССР «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в г. Москву». 13 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 2–3.

Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1966. 188 с.

Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 382 с.

Летопись Российской академии наук. М.: Архив РАН, 2021. Т. 6: 1941–1945. 590 с.

Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 617 с.

Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова в СНК СССР по поводу перевода в Москву Института истории, Института мирового хозяйства и мировой политики, Института экономики и Института философии. 25 декабря 1942 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 153. Л. 8.

Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова и секретаря Президиума АН СССР Н.Г. Бруевича в СНК СССР по поводу разрешения перевода Президиума АН СССР из Свердловска в Москву. 3 февраля 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 1–1 об.

Постановление Государственного комитета обороны «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.» (извлечение) // Страна – Ленинграду. 1941–1945: Сб. док. / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб.; Кишинев, 2002. С. 299–304.

Постановление Президиума АН СССР «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву». 19 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 4–6.

Протокол № 1 заседания Президиума АН СССР, г. Москва. 18, 19 и 20 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 36. Л. 1–27.

Протокол № 2 заседания Президиума АН СССР, г. Москва. 21, 22 и 23 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 36. Л. 51–81.

Протокол № 3 распорядительного заседания Президиума АН СССР. 13 апреля 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 37. Л. 32–69.

Протокол № 6 заседания Президиума АН СССР. 15 июня 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 37. Л. 85–107.

Романов Б.А. Письма к жене / Сост. и подгот. к печати Б.С. Каганович и Л.Б. Вольфшун. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 391 с.

Сергей Иванович Вавилов: Дневники. 1909–1951. В 2-х кн. М.: Наука, 2016. Кн. 2: 1920, 1935–1951. 605 с.

Список учреждений Академии наук СССР, которые временно остаются в местах эвакуации. 10 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 7.

Ф.Р. Дунаевский о реэвакуации в Ленинград / Публ. Е.Н. Груздева // Архивный поиск: сб. научных статей и публикаций. М.: Архив Российской академии наук, 2020. Вып. 3. С. 192–204.

## Reference

Dokladnaya zapiska akademiku-sekretaryu AN SSSR akademiku N.G. Bruevichu o sostoyanii bibliotechnogo dela v Leningrade. 3 marta 1944 g. [Report to the Academician-Secretary of the USSR Academy of Sciences, Academician N.G. Bruevich, on the state of library work in Leningrad. March 3, 1944]. Arkhiv RAN (ARAN). F. 4. Inv. 1-1944. Fol. 12. P. 5. (In Russ.)

Dokladnaya zapiska vice-prezidentu AN SSSR akademiku L.A. Orbeli «O sostoyanii zdaniya i fondov Instituta literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR i neobkhodimyykh merakh dlya nalazhivaniya normal'noy raboty Instituta». 6 marta 1944 g. [Report to the Vice-President of the USSR Academy of Sciences, Academician L.A. Orbeli, «On the condition of the building and funds of the Institute of Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences and the necessary measures to establish the normal operation of the Institute». March 6, 1944]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1944. Fol. 12. P. 12–16. (In Russ.)

F.R. Dunaevskiy o reyevakuatsii v Leningrad [F.R. Dunaevsky on the re-evacuation to Leningrad]. Publ. E.N. Gruzdeva. Arkhivniy poisk: sbornik nauchnykh statey i publikatsiy [Archive search: collection of scientific articles and publications]. Moscow: Архив Российской академии наук, 2020. Iss. 3. P. 192–204. (In Russ.)

K sobraniyu partaktiva uchrezhdeniy Akademii nauk, nakhodyashhikhsya v Moskve. 4 maya 1943 g. [To the meeting of the party activists of the institutions of the Academy of Sciences located in Moscow. May 4, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 16–35. (In Russ.)

Kol'tsov A.V. Podvig leningradskikh uchenykh. Leningradskie otdeleniya AN SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The feat of Leningrad scientists. Leningrad branches of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War]. Akademicheskaya nauka v Sankt-Peterburge

v XVIII–XX vekakh: Istoricheskie ocherki [Academic Science in St. Petersburg in the 18th–20th Centuries: Historical Essays]. Otv. red. Zh.I. Alferov. Saint Petersburg: Nauka, 2003. P. 482–510. (In Russ.)

Komkov G.D., Levshin B.V., Semenov L.K. Akademiya nauk SSSR, 1724–1974: Kratkiy istoricheskiy ocherk [Academy of Sciences of the USSR, 1724–1974: A Brief Historical Essay]. Moscow: Nauka, 1974. 522 p. (In Russ.)

Komkov G.D., Levshin B.V., Semenov L.K. Akademiya nauk. SSSR: Kratkiy istoricheskiy ocherk [Academy of Sciences. USSR: Brief historical essay]. In 2 vol. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Nauka, 1977. Vol. 2: 1917–1976. 455 p. (In Russ.)

Kopiya postanovleniya № 269 SNK SSSR «O perevode yevakuirovannykh institutov i uchrezhdeniy Akademii nauk SSSR v g. Moskvu». 13 marta 1943 g. [Copy of Resolution N 269 of the Council of People's Commissars of the USSR «On the transfer of evacuated institutes and institutions of the USSR Academy of Sciences to Moscow». March 13, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 2–3. (In Russ.)

Letopis' Rossiyskoy akademii nauk [Chronicle of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Arxiv RAN, 2021. Vol. 6: 1941–1945. 590 p. (In Russ.)

Levshin B.V. Akademiya nauk SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka, 1966. 188 p. (In Russ.)

Levshin B.V. Sovetskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet Science During the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka, 1983. 382 p. (In Russ.)

Materialy k istorii Akademii nauk SSSR za sovetskie gody (1917–1947) [Materials for the history of the USSR Academy of Sciences during the Soviet years (1917–1947)]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 617 p. (In Russ.)

Obrashhenie prezidenta AN SSSR V.L. Komarova i sekretarya Prezidiuma AN SSSR N.G. Bruevicha v SNK SSSR po povodu razresheniya perevoda Prezidiuma AN SSSR iz Sverdlovskaya v Moskvu. 3 fevralya 1943 g. [Appeal of the President of the USSR Academy of Sciences V.L. Komarov and the Secretary of the Presidium of the USSR Academy of Sciences N.G. Bruevich to the Council of People's Commissars of the USSR regarding permission to transfer the Presidium of the USSR Academy of Sciences from Sverdlovsk to Moscow. February 3, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 1–1 ob. (In Russ.)

Obrashhenie prezidenta AN SSSR V.L. Komarova v SNK SSSR po povodu perevoda v Moskvu Instituta istorii, Instituta mirovogo khozyaystva i mirovoy politiki, Instituta yekonomiki i Instituta filosofii. 25 dekabrya 1942 g. [Appeal of the President of the USSR Academy of Sciences V.L. Komarov to the Council of People's Commissars of the USSR regarding the transfer to Moscow of the Institute of History, the Institute of World Economy and World Politics, the Institute of Economics and the Institute of Philosophy. December 25, 1942]. ARAN. F. 2. Inv. 1-1942. Fol. 153. P. 8. (In Russ.)

Postanovlenie Gosudarstvennogo komiteta oborony «O pervoocherednykh meropriyatiyakh po vosstanovleniyu promyshlennosti i gorodskogo khozyaystva Leningrada v 1944 g.» (izvlechenie) [Resolution of the State Defense Committee «On priority measures for the restoration of industry and urban economy of Leningrad in 1944» (extract)]. Strana – Leningradu. 1941–1945: Sb. dok. [Country to Leningrad. 1941–1945: Collection of documents]. Otv. red. V.M. Koval'chuk. Saint Petersburg; Kishinev, 2002. P. 299–304. (In Russ.)

Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR «O perevode yevakuirovannykh institutov i uchrezhdeniy Akademii nauk SSSR v Moskvu». 19 marta 1943 g. [Resolution of the Presidium of the USSR Academy of Sciences «On the transfer of evacuated institutes and institutions of the USSR Academy of Sciences to Moscow». March 19, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 4–6. (In Russ.)

Protokol № 1 zasedaniya Prezidiuma AN SSSR, g. Moskva. 18, 19 i 20 marta 1943 g. [Protocol No. 1 of the meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, Moscow. March 18, 19 and 20, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 36. P. 1–27. (In Russ.)

Protokol № 2 zasedaniya Prezidiuma AN SSSR, g. Moskva. 21, 22 i 23 marta 1943 g. [Protocol N 2 of the meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, Moscow. March 21, 22 and 23, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 36. P. 51–81. (In Russ.)

Protokol № 3 rasporyaditel'nogo zasedaniya Prezidiuma AN SSSR. 13 aprelya 1943 g. [Protocol N 3 of the administrative meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences. April 13, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 37. P. 32–69. (In Russ.)

Protokol № 6 zasedaniya Prezidiuma AN SSSR. 15 iyunya 1943 g. [Protocol N 6 of the meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences. June 15, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 37. P. 85–107. (In Russ.)

Romanov B.A. Pis'ma k zhene [Letters to the wife]. Sost. i podgot. k pechati B.S. Kaganovich i L.B. Vol'fson. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2023. 391 p. (In Russ.)

Sergey Ivanovich Vavilov: Dnevnik. 1909–1951 [Sergei Ivanovich Vavilov: Diaries. 1909–1951]. In 2 books. Moscow: Nauka, 2016. Book 2: 1920, 1935–1951. 605 p. (In Russ.)

Spisok uchrezhdeniy Akademii nauk SSSR, kotorye vremenno ostayutsya v mestakh yevakuatsii. 10 marta 1943 g. [List of institutions of the USSR Academy of Sciences that temporarily remain in evacuation areas. March 10, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 7. (In Russ.)

Velikaya Otechestvennaya voyna i blokada Leningrada v sud'bach sotrudnikov Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk [The Great Patriotic War and the Siege of Leningrad in the Fates of the Employees of the Library of the Russian Academy of Sciences]. Avt.-sost.: N.V. Bekzhanova, A.A. Balakina. Saint Petersburg: Biblioteka RAN, 2024. 568 p. (In Russ.)